

Р. Р. ВАХИТОВ
А. Е. РОДИОНОВА

Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия
ORCID: 0000-0001-9161-0899
Rust_R_Vahitov@mail.ru

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы
г. Уфа, Россия
ORCID: 0000-0002-9374-5989
aer1969@mail.ru

RUSTEM R. VAKHITOV
ANNA E. RODIONOVA

Bashkir State University
Ufa, Russia
ORCID: 0000-0001-9161-0899
Rust_R_Vahitov@mail.ru

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
Ufa, Russia
ORCID: 0000-0002-9374-5989
aer1969@mail.ru

Специфика университетского образования в России: концепция «образовательного раздатка»

Господствует мнение, что российская высшая школа принципиально не отличается от зарубежной, по образцу которой она некогда была создана, и имеет лишь региональную специфику. Однако её особенности (высшее образование как социальный статус, государственная раздача дипломов единого образца, отсутствие академических свобод) настолько существенны, что позволяют говорить об образовании иного типа, отличного от модернистского исследовательского «гумбольдтовского» университета. По мнению авторов статьи, оно основано на «раздатке», механизм которого был описан экономистом О.Э. Бессоновой и социологом С.Г. Кордонским. «Раздаток» включает в себя: сдачи и раздачи, огосударствленную служебную собственность, принудительный служебный труд, плановую организацию труда и, наконец, институт жалоб — обратную связь между раздающей и принимающей инстанциями.

Авторы статьи определяют российское высшее образование (и государственное, и так называемое «коммерческое») как «раздаток высшего образования» и считают, что он соответствует особенностям

The Specific Features of University Education in Russia: The Conception of “Educational Distribution”

There is a predominating opinion that higher education in Russia principally does not differ from that in other countries, having been at a certain time created following the example of the later, while merely endowed with regional specific features. However, its peculiarities (higher education as a social status, the social distribution of diplomas of a single sample, absence of academic freedoms) are so essential, that they make it possible to speak of education of a different type, contrasting the modernist research “Humboldt” university. In to the opinion of the authors, it is based on “distribution”, the mechanism of which has been described by economist Olga Bessonova and sociologist Simon Kordonsky. “Distribution” includes in itself handing over and disbursement, nationalized instrumental property, compulsory subservient labor, planned organization of labor and, finally, the institution of complaints — the reverse connection between the distributing and the receiving channels.

The authors of the article define higher education in Russia (both the state-run and the so-called “commercial”) as “distribution of higher education” and consider that it corresponds with

российской цивилизации, сохранившей в своём ядре традиционный характер. Аспекты «раздатка высшего образования» (и как социального статуса, и как необходимой для него суммы знаний) кратко описаны в данной работе.

Ключевые слова:

высшее образование, университет, губмольдтовский университет, российские университеты, раздаток, раздаток высшего образования.

the peculiarities of the Russian civilization, which has preserved a traditional character at its core. The aspects of the “distribution of higher education” (both the social status and the sum of knowledge indispensable for it) are briefly described in this work.

Keywords:

higher education, university, Humboldt university, Russian universities, distribution, transfer of higher education.

Для цитирования/For citation:

Вахитов Р.Р., Родионова А.Е. Специфика университетского образования в России: концепция «образовательного раздатка» // ИКОНИ. 2019. № 1. С. 20–28.
DOI: 10.33779/2658-4824.2019.1.020-028.

Высшая школа — это институт, без которого не может обойтись ни одно индустриальное общество, как бы они ни отличались друг от друга. Она готовит высококвалифицированных специалистов для индустрии, государственного управления, социальных инфраструктур современного общества (образование, медицина). Наконец, высшая школа в экономически развитых странах мира занимается воспроизводством научного сообщества и генерацией нового научного знания.

Российская и Западная модели образования: сходства и различия

В России, как и в странах Европы, существуют университеты, институты, академии, преподаватели и студенты. Преподаватели читают лекции, проводят семинары, студенты учатся, сдают зачёты и экзамены, получают дипломы. Вследствие всего этого создаётся впечатление, что российская высшая школа, по сути своей, такая же, как и за рубежом (разнообразие моделей западноевропейских и американских вузов говорит о господстве там *Liberal art*, то есть «либеральной модели», восходящей к гумбольдтовской

концепции университета) [9; 10]. Считается, что, возможно, в отдельных аспектах российская образовательная система уступает западной, в чём-то сравнима с ней и даже обгоняет её, но в целом — это тот же институт, выполняющий аналогичные социальные функции. В частности, такова была логика недавней реформы российского высшего образования при вхождении нашей страны в Болонское пространство (так называемая «Болонская реформа»). Ведь она предполагала введение у нас атрибутов западной системы образования (курсы по выбору, академические кредиты и т. д.) [8].

Цель нашей статьи — показать фундаментальную специфику отечественного высшего образования, его характерные особенности.

Первая, наиболее важная особенность состоит в том, что получение высшего образования в России автоматически приводит к получению более высокого социального статуса. Эта традиция сложилась ещё до революции, когда лица, окончившие университет, получали либо 10-й, либо 12-й ранг по «Табели о рангах», что гарантировало им должность с соответствующими привилегиями [1]. В Советском Союзе «Табель о рангах» была отме-

нена, и инженеры, врачи и педагоги формально перестали быть госслужащими. Фактически без получения высшего образования необходимого профиля нельзя было занять то или иное место на производстве, в государственных и социальных структурах. И даже в современной постсоветской России существует такой официальный документ, как «Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих», выпущенный Министерством труда и социальной защиты. Согласно ему, в каждом учреждении и на каждом предприятии (даже негосударственных) действует строгая трёхступенчатая иерархия: руководители, специалисты, технические исполнители. Каждая из ступеней требует особой квалификации, предполагающей и достаточный уровень образования. Лица без высшего образования не могут рассчитывать на получение места на верхней ступени («руководители»). Аналогичным образом обстоит дело и с госслужбой. К примеру, в российской полиции высшее образование открывает путь к должностям среднего и высшего начальствующего состава, среднее — рядового и младшего начальствующего состава, а отсутствие образования вообще закрывает путь в сотрудники полиции (Постановление ВС РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1).

За рубежом сложилась иная традиция. Выпускники вузов попадают на рынок труда, где окончательное решение принимает работодатель. Конечно, наличие высшего образования, в особенности полученного в престижном университете, значительно повышает шансы претендента, но ничто не помешает работодателю отдать предпочтение кандидату без высшего образования, если он устраивает по другим параметрам. Наличие высшего образования в этом случае ничего не гарантирует, а его отсутствие не закрывает путь к карьерному росту. Известно, к примеру, что Генри Форд стал руководителем «Форд мотор компани» без

университетского диплома (в России это было бы просто невозможно). Безусловно, есть исключения. Даже в такой либеральной и рыночной стране, как США, нельзя стать офицером полиции, не окончив полицейскую академию (интересно, что в России для этого в ряде случаев достаточно любого высшего образования, даже сельскохозяйственного). Но всё же речь идёт об исключениях, а не о правилах.

Вторая особенность заключается в том, что дипломы о высшем образовании у нас выдаёт не сообщество преподавателей данного вуза, а государство. Иначе говоря, государство сосредоточило в своих руках ресурс высшего образования и раздаёт его в соответствии со своими требованиями и критериями.

В дипломе выпускника высшей школы стоит подпись ректора вуза. Ректор в российской вузовской корпорации — не «первый среди равных», а работник, подписывающий трудовой контракт с министерством (по «Закону об образовании», его выбирают в вузе, но из числа кандидатов, согласованных с вышестоящей организацией). Кроме того, выпускник не получит диплом, если полностью не выполнит учебный план за обозначенный срок обучения. Этот план в общих чертах составляется в министерстве (для большинства вузов — это Министерство образования и науки) в соответствии с федеральными госстандартами образования (ФГОС) и лишь дорабатывается учебными отделами и деканатами конкретных вузов.

Конечно, в постсоветском государстве в сфере высшего образования появился и частный сектор (так называемые «коммерческие вузы»). Однако по российским законам частный вуз не может состояться, пока не получит лицензии от специального государственного органа — Рособнадзора. Такая лицензия выдаётся в начале работы на год, а затем на пять лет. По истечении этого срока вуз проходит вторичное лицензирование. Лицензия открывает возможность давать

образование по заявленным специальностям. Но вуз, даже имеющий лицензию, не имеет права сразу выдавать дипломы (надо заметить, что у нас все вузы, независимо от статуса и формы собственности, обязаны выдавать дипломы единого государственного образца). Для этого нужно пройти процедуру аккредитации, которая проводится представителями того же Рособнадзора. При этом проверяется «качество образования», а если называть вещи своими именами — то соответствие содержания образования в частном вузе *государственным* стандартам и министерским программам. В итоге аккредитацию получают только те частные вузы, обучение в которых по форме и по содержанию ничем не отличается от обучения в унифицированных государственных вузах.

Это существенно отличается от ситуации в Европе и США. Как уже говорилось, там каждый вуз выдаёт свой диплом, и на рынке труда оказывается важным не наличие стандартного диплома, а наличие диплома того или иного вуза. В США, к примеру, частные вузы считаются более престижными, чем государственные ещё и потому, что они имеют возможность варьировать свои программы, применять педагогические эксперименты (мало кто задумывается над тем, что знаменитые Гарвард и Принстон — не государственные университеты). Понятно, что их невозможно подогнать под единые стандарты: обучение в каждом вузе имеет свою специфику, и поэтому в результате между ними возникает конкуренция.

Таким образом, наше отечественное «коммерческое высшее образование» на самом деле не формирует рынка высшего образования, а представляет собой получение права осуществлять образование государственного образца частными лицами за определённое вознаграждение (как раньше в некоторых странах государство разрешало частным лицам за вознаграждение собирать вместо государственных органов налоги).

Третья особенность состоит в том, что обучение в российском вузе отличается от обучения в западном «гумбольдтовском» и «постгумбольдтовском» университетах, где студенту предлагается множество элективных курсов («курсов на выбор»), причём на самых разных факультетах. Есть, конечно, и обязательные дисциплины, но в основном они начинаются на 2-м или 3-м годах обучения, и их не так много (правда, всё зависит от специальности: к примеру, у будущих менеджеров курсов по выбору много, а у будущих медиков — значительно меньше). Студент может сам сформировать учебный план, поставить те или иные дисциплины на удобные ему дни и даже годы обучения (с некоторыми ограничениями). Никто не получает академической стипендии, которая в России выплачивается всем, кто имеет хорошую успеваемость, ведь образование там — личное дело каждого: за успехи в нём не поощряют, а за плохую учёбу — наказывают. Существует, конечно, практика отчислений, и чаще это происходит в случае, если студент не может набрать минимальных баллов, но затем ему даёт-ся целый семестр на исправление.

В России обучение строится на менее либеральных принципах. Студент подчиняется универсальному учебному плану, который разрабатывается учебным отделом университета по министерским стандартам. Расписание составляет деканат, и студентов просто ставят перед фактом: где, когда и у кого они будут слушать тот или иной курс. Правда, после вхождения в «болонское пространство» и у нас появились «курсы по выбору» [8], но в большинстве случаев это формальность. Впрочем, даже в тех столичных вузах, где, подражая зарубежным стандартам, это осуществили всерьёз, курс по выбору, на который записалось слишком мало студентов, заменяется иным — обязательным.

Экзаменационная система российской высшей школы направлена на от-

числение. Достаточно одного несданного зачёта или экзамена, чтобы оказаться за стенами вуза. Ранее отсеив студентов шёл постоянно, однако введение коммерческого обучения несколько изменило ситуацию. За рубежом, наоборот, система стремится удержать контингент: предоставляются испытательные сроки, для улучшения показателей к неуспевающим студентам прикрепляются тьюторы, однако студенты всё равно уходят: до последнего курса доучивается меньше половины поступивших.

Отношения между преподавателями и студентами за рубежом и в России также разительно несхожи: в «либеральных университетах Запада» это отношения партнёрства, поощряется даже внеурочное общение, совместные занятия спортом и т. д. В России это, скорее, отношения «начальника и подчинённого»: преподаватель может выгнать студента из аудитории за плохое поведение, сделать замечание по поводу внешнего вида, к преподавателю следует обращаться по имени и отчеству, при его появлении надо вставать...

Итак, внешне похожая на университетскую систему Запада российская высшая школа отличается от неё по существу: и по своей социальной функции, и по характеру отношений вузов и государства, и, наконец, по самим формам учёбы и взаимоотношениям преподавателей и учащихся. Известный русский учёный-медик Николай Иванович Пирогов ещё в 1863 году в своей брошюре «Университетский вопрос» писал о специфике российского высшего образования: «...наш университет отличается совершенно от английского средневекового тем, что он нисколько не церковный, ни корпоративный, ни общественный, ни воспитательный. Наш университет похож только тем на французский, что в него внесён — и ещё сильнее и оригинальнее — бюрократический элемент, но он не есть ещё департамент народного просвещения как французский, и фа-

культеты в нашем ещё не лишены той взаимной связи, как в том. Наконец, наш университет ещё меньше похож на германский, который ему служил образцом, потому что в нём нет самого характеристичного — полной *Lehr und Lernfreiheit* и стремления научного начала преобладать над прикладным и утилитарным» [7, с. 257]. Прошло больше 150 лет, а ситуация не изменилась: наши вузы не похожи ни на англо-американские колледжи, ни на европейские исследовательские университеты в силу отсутствия в них академических свобод и по той причине, что они не представляют собой замкнутые корпоративные сообщества, не зависящие от государства и наделяемые им привилегиями. Пожалуй, ближе всего они к французским высшим школам — альтернативам университетов во Франции, но сложная система отбора в высшие школы Франции (куда невозможно поступить без подготовки на специальных двух- или трёхгодичных курсах) отличается от советской системы вступительных экзаменов в вуз и, тем более, от современного российского ЕГЭ.

Отличия российской высшей школы от господствующей на Западе либеральной модели образования именно цивилизационные. То есть они связаны с особенностями российской цивилизации, которые были и в дореволюционные, и в советские времена и остаются сейчас, меняя лишь внешнее их оформление. Существуют эти особенности в том, что несмотря на несколько волн модернизации, в сущности своей российская цивилизация остаётся традиционной.

Концепции раздатка, сословности и традиционное общество

Наше понимание традиционного общества опирается на концепцию раздатка О.Э. Бессоновой [2] и концепцию сословности С.Г. Кордонского [5].

Традиционной мы называем такую цивилизацию, которая, в отличие от модер-

нистской, не стремится создавать новые, а всё время лишь воспроизводит старые, освящённые традицией социальные, политические, духовные, культурные формы. При этом под *традицией* понимается совокупность образов, по которым воссоздаются указанные формы. Образцами могут выступать идеализированные модели поведения, знания, технологии и т. д.

В традиционном мире частная собственность сведена к минимуму. В идеале всё мыслится здесь как принадлежащее государству, чья власть освящена идеологией. Государство *раздаёт* все эти ценности отдельным людям или сообществам. Таким образом, в таком обществе всё (или почти всё) превращено в ресурс, то есть в совокупность материальных и/или духовных ценностей, которые раздаются государством для осуществления служебной деятельности. Ресурсов в этом обществе всегда наличествует ограниченное количество, потому что здесь стремятся не к созданию всё новых и новых материальных и духовных благ, а лишь к воспроизводству некоторого их количества, признаваемого достаточным.

Поскольку ресурсы с течением времени исчерпываются, для продолжения раздач необходимы сдачи. Сдача есть воспроизводство определённого ресурса. Сдача — обязанность всех социальных групп, каждая из которых специализируется на том или ином роде сдачи (например, крестьяне сдают сельскохозяйственную продукцию, для рыцарей главная сдача — участие в войне на стороне своего сюзерена и т. д.). Сдача осуществляется в результате служебного труда, принудительного по своему характеру (хотя и основанному на энтузиазме в идеале), поскольку этот труд — обязанность перед государством. Таким образом, в традиционном обществе социальная группа получает ресурс (материальные блага, привилегии, социальный статус) для того, чтобы используя его, выполнять свою обязанность перед государством.

Раздачи должны соответствовать сдачам. Налагая на социальную группу обязанность сдать ресурс, государство сразу оговаривает его количество, дабы обеспечить этим ресурсом всех тех, кто его получает в ходе раздачи. Сдача ресурса государству и его раздача государством составляет суть жизнедеятельности традиционного общества. В сущности, в ходе раздачи такое общество и формируется как иерархия *сословий* (термин С.Г. Кордонского) — социальных групп, которые облечены обязанностями (службой) перед государством и для исполнения этих обязанностей (службы) получают привилегии, свободы, блага, проще говоря — ресурсы [5, с. 24]. Эти «сословия» могут не совпадать с историческими сословиями (аристократия, духовенство, бюргеры, крестьянство) и не обязательно должны быть наследственными (в Российской империи сословиями и под-сословиями, по Кордонскому, можно считать ранги госслужбы, в Советском Союзе — такие группы, как колхозники, рабочие) [там же, с. 44–56].

Для того чтобы побудить государство скорректировать раздачи с учётом претензий того или иного сословия, существует институт жалоб (термин О.Э. Бессоновой [2, с. 12]). Жалобы здесь понимаются широко: это могут быть ходатайства, доносы, публичные выступления, просьбы ходяков и т. д.

Процесс сдачи и раздач с обеспечивающими его социальными механизмами (служебный принудительный труд, плановая организация деятельности, институт жалоб) мы называем раздатком (термин О.Э. Бессоновой [там же, с. 6–7]).

Раздаток бывает трёх видов:

- 1) *экономический* — раздаток материальных благ, необходимых для удовлетворения материальных потребностей;
- 2) *политический* — раздаток властных полномочий для поддержания в обществе порядка;
- 3) *социально-духовный* — раздаток социально-духовных благ, удовлетворяю-

щих духовные потребности и способствующих стабильности общества.

Экономическая сторона раздатка исследована О.Э. Бессоновой (она и ввела термин «раздаток»), которая на материале российской истории описала основные его принципы и институции. Однако ресурсным и раздаточным является не только российское, но и любое традиционное общество, в том числе таковым было и западноевропейское средневековое общество. Правда, там раздаток имел свои особенности, которых не было ни в России, ни в странах Востока и которые затем и привели к превращению служебной собственности в частную и перерождению общества раздатка в общество рынка.

«Концепция раздатка» высшего образования в России

Политический и социально-духовный раздаток изучены пока крайне слабо. Одной из форм последнего является раздаток высшего образования в дореволюционной, советской и постсоветской России. В работах одного из авторов этой статьи подробно рассмотрен этот вид раздатка на примере университетского образования [3, 4]. Он включает в себя раздачу государством знаний и статуса, позволяющего заниматься официальной и неофициальной госслужбой, а вместе с ними — всех необходимых для организации образования социальных льгот и материальных благ (финансирование вузов, предоставление студентам возможности пользоваться материально-техническим оборудованием, предоставление студентам-юношам отсрочки от призыва

ва в армию и т. д.). Сдачи — это труд по организации работы вуза со стороны администрации и технического персонала, научный, педагогический и воспитательный труд преподавателей и учебный труд студентов. В советские времена финальной сдачей для выпускника была «отработка» — возмещение государству своим трудом в указанном месте расходов на полученное образование. Все эти виды труда подчиняются плану, разрабатываемому государственными органами (план по приёму для администрации, учебный план, карточки поручений для преподавателей, расписание занятий, зачётов и экзаменов для студентов). Труд этот — служебный, принудительный; за невыполнение учебного плана студента отчисляют. Обратным каналом являются, как и во всех остальных институциях раздатка, жалобы.

Как видим, особенности российского высшего и в том числе университетского образования вписываются в модель раздатка, поэтому мы и говорим о раздатке высшего образования в России. Это не случайность, а закономерный результат трансформации западных институций высшего образования, пересаженных триста лет назад на российскую почву. Напротив, было бы удивительным, если бы у нас прижился западный университет, который фактически связан с потребностями гражданского общества, какового у нас, по сути, никогда не было. Огосударственное раздаточное образование в большей степени отвечает социальным потребностям общества, основанного на экономическом и политическом раздатке и пронизанного сословной иерархией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 85 с.
2. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., РОССПЭН, 2006. 144 с.
3. Вахитов Р.Р. Служилый российский университет // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 285–301.

4. Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М., Страна Оз, 2014. 276 с.
5. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., Институт фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
6. Маярковская Г.В., Родионова Д.Г. Российская академия музыки имени Гнесиных как базовый методический центр развития образования в сфере культуры и искусства // Проблемы музыкальной науки. 2018. № 2. С. 106–110. DOI: 10.17674/1997-0854.2018.2.106-110.
7. Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков. Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011. С. 254–282.
8. Шаймухаметова Л.Н. Болонский процесс и горизонты вузовской науки // Проблемы музыкальной науки. 2009. № 1. С. 6–10.
9. Lester J.N., Lochmiller C.R., Gabriel R., eds. Discursive Perspectives on Education Policy and Implementation. Education Policy Analysis Archives, 2017. Vol. 25, No. 25, p. 2–8.
10. Warren T. The University We Need: Reforming American Higher Education. New York: Encounter Books, 2018. 208 p.

Об авторах:

Вахитов Рустем Ринатович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии факультета философии и социологии, Башкирский государственный университет (450076, г. Уфа, Россия),
ORCID: 0000-0001-9161-0899, Rust_R_Vahitov@mail.ru

Родионова Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологического образования и межкультурных коммуникаций, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (450008, г. Уфа, Россия),
ORCID: 0000-0002-9374-5989, aer1969@mail.ru

REFERENCES

1. Avrus A.I. *Istoriya rossiyskikh universitetov. Ocherki* [The History of Russian Universities. Essays]. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, 2001. 85 p.
2. Bessonova O.E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii. Evolyutsiya cherez transformatsii* [Economy of Razdatok in Russia. Evolution through Transformations]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2006. 144 p.
3. Vakhitov R.R. Sluzhilyy rossiyskiy universitet [State-Serving Russian University]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. 2012. № 5 (50), pp. 285–301.
4. Vakhitov R.R. *Sud'by universiteta v Rossii: imperskiy, sovetskiy i postsovetskiy razdatochnyy mul'tiinstitut* [The Destinies of Universities in Russia: Imperial, Soviet and Post-Soviet Distributing Multiinstitute]. Moscow: Strana Oz, 2014. 276 p.
5. Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii* [Estates Structure of post-Soviet Russia]. Moscow: Institut fonda "Obschestvennoe mnenie". 2008. 216 p.
6. Mayarovskaya G.V., Rodionova D.G. The Russian Gnesins' Academy of Music as a Foundational Methodological Center for Development of Education in the Sphere of Culture and Art. *Problemy muzykal'noy nauki/Music Scholarship*, 2018, No. 2, pp. 106–110. (In Russ.) DOI: 10.17674/1997-0854.2018.2.106-110.
7. *Universitetskaya ideya v Rossiyskoy imperii XVIII — nachala XX vekov. Antologiya* [The University Idea in the Russian Empire of the 18th — early 20th Centuries. Anthology]. Comp. by A.Yu. Andreev, S.I. Posokhov. M.: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSPEN), 2011, pp. 254–282.

8. Shaymukhametova L.N. Bolonskiy protsess i gorizonty vuzovskoy nauki [The Bologna Process and Horizons of University Science]. *Problemy muzykal'noj nauki/Music Scholarship*, 2009. № 1, pp. 6–10.
 9. Lester J.N., Lochmiller C.R., Gabriel R., eds. Discursive Perspectives on Education Policy and Implementation. *Education Policy Analysis Archives*. 2017. Vol. 25. No. 25, pp. 2–8.
 10. Warren T. *The University We Need: Reforming American Higher Education*. New York: Encounter Books, 2018. 208 p.
-

About the authors:

Rustem R. Vakhitov, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy and Political Science, Faculty of Philosophy and Sociology, Bashkir State University (430076, Ufa, Russia),
ORCID: 0000-0001-9161-0899, Rust_R_Vahitov@mail.ru

Anna E. Rodionova, Ph.D. (Philology), Associate Professor at the Russian Language Department of the Institute of Philological Education and Intercultural Communications, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (430008, Ufa, Russia),
ORCID: 0000-0002-9374-5989, aer1969@mail.ru

